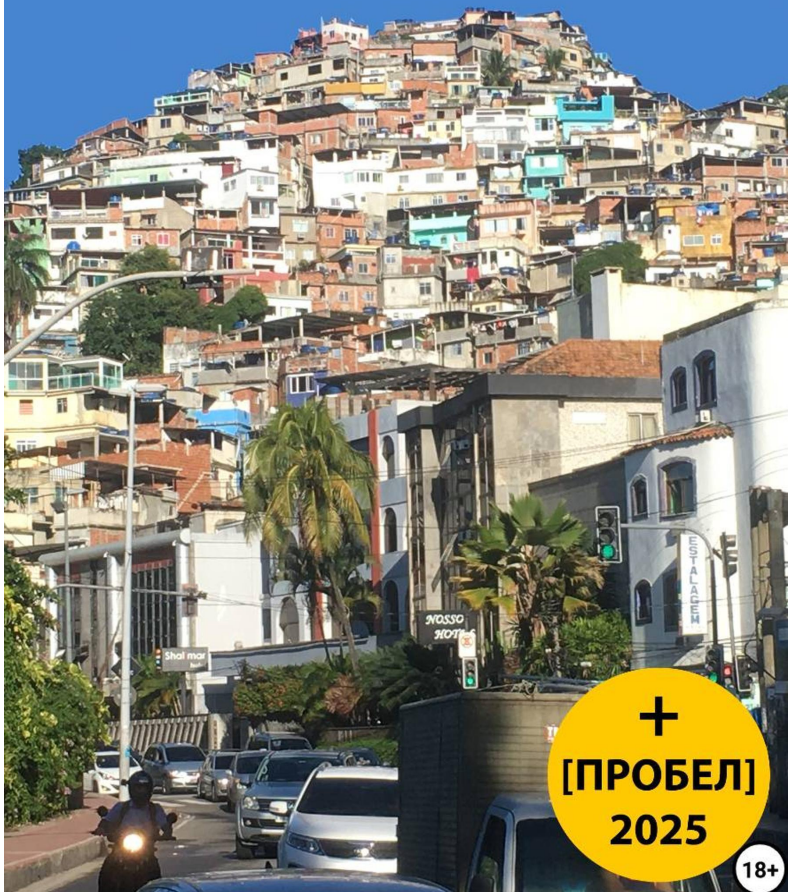

ՀՕՄԱԾՄ
ՅԻՆՈՒԳՎԱ

+

[ՍԵՐԱՆՈՒՄ]

2025

18+

Номадум Номадум Виджигал / Пробел

<https://litres.ru/74027414>

SelfPub; 2026

Аннотация

Белорусский учитель бросает опостылевшую хрущевку и летит в Бразилию. Ни брони, ни денег, ни плана. Вместо пляжного рая — фавела Виджигал. Комната с видом на океан, соседи с автоматами, вечный шум и работа онлайн за гроши. Здесь дети торгуют наркотиками у крыльца, радушный хозяин квартиры становится жадным ростовщиком, а дружба оборачивается воронкой продаж. Женщины приходят и уходят. Афро-сиделка, американка на антидепрессантах, немка с линейкой вместо сердца. Каждая проверяет его тем же: можно ли остаться собой, когда ты — белый нищий среди цветного карнавала. И даже Христос-Искупитель и волны Атлантики не спасают от главного вопроса — где твой настоящий дом?

Номадум

Виджигал / Пробел

ВИДЖИГАЛ

Памяти Кристиана

1

Дело было как. Мир захворал. Из Вьетнама решилось вернуться в Беларусь. Шел месяц, второй, шестой. Дома я засиделся. Рвалось, как псу на цепи. Надоели подоконные алкаши. Вялые несмеяны с отсутствующим лицом. Стылый воздух. Ыыыыы. Три раза пытался с билетом в Китай. Три раза отменяли рейс. Забил. Гостил у друга в свободной комнате. Изредка клепал музыку. Нашел работу онлайн. В пять раз меньше, но деньги. Спустя месяц подумал — а поехать бы к морю? Пусть и местному. Как раз не сезон. Границу переходил по снежному лесу. Десять минут — и Беларусь стала Россией. Перекладными до Москвы, оттуда плацкарт до Лазаревского. Народу немного, но и не село. И цены пролетарские — не Сочи. Море тоже ближе. Поселился в советском пансионате, распроданном на комнаты. Вахтерши, однако, остались неизменными. Работаю пару часов в день. Гуляю вдоль моря. В горы несколько раз. Никого не знаю и

знать не хочу. В отшельничестве начало писаться. За два месяца собралось на альбом. Тут и весна пришла. Двинул на север.

Дома сметал за неделю слова и музыку. Записывал все на диктофон айфона. В квартире того же друга. Он работал сторожем в деревне между городами. Сотка баксов в месяц. На пиво и коммуналку хватало. Я доделывал работу и решил на покупку билета. Удовольствие недешевое, да и лететь на край света. Выбрана была Бразилия. Ограничений нет, только тест. По сравнению с остальным сошедшим с ума миром. Ну и в Южной Америке еще не бывал. Самое время. На третий день раздумий встал утром. Поднял телефон. Несколькими махами по экрану выбор был сделан. Лететь через неделю. Впервые из Минска. По снежной хмари автобус повез меня до подковы аэропорта. Взлетаем. Не верится, что наконец на борту.

Через два часа вижу каменистые берега Турции. Пересадка до утра. Бегаю по аэропорту от кипятка до лежанки на стульях. Свертываюсь на них в спальнике ночью. И вот 11-часовой перелет. Убирают трап, задраивают дверь. Теперь — только вперед. Начинаю штудировать Лонли Плэнет с телефона. Прикидываю маршрут. Телик показывает стрелку посреди Атлантики. Куда я лечу? Самолет полупустой, большую часть я сплю на трех креслах. Вот и континент. Летим вдоль зеленых берегов. И уже на закате приземляемся между каменного леса. Сан Пауло. В здании ловлю вай-фай. Прове-

рю адреса хостелов. Парочка на Сантане, самые дешевые — на станции Луз. Что означает “Свет”. Центр, вокзал архитектуры 19 века. Решаю двинуть туда на одну ночь. Пограничники по-английски почти не говорят. Прохожу быстро, безвиз, штамп на три месяца. Поменял реалов на сто налички. Шатл петляет мимо знаков на португальском. Захожу в метро. Еле объясняю азиату-кассиру, что хочу билет. А, си, билеч! С тремя пересадками добираюсь до центра. Метро прям музыкальное, каждый сигнал — аккорд. И вот он — кирпичный вокзал. Прямо на выходе — темные тени в тряпье. Ключная борода шатается у бака. Быстро замечаю вывеску хостела и умываю туда. Толкую, что нужна койка. По классике, ничего заранее не бронировал. Дело уже к полуночи. Благо, места есть. На соседней кровати красится молодец и поправляет парик. Я в Америке, стучится в голову.

Проваливаюсь в сон и просыпаюсь в три часа ночи. Дома, считай, позднее утро. Пытаюсь спать до шести. В холле, пока есть вай-фай, оживляю каучсерфинг за 2 доллара. Закидываю сообщениями хостов. Потом выхожу на рассветную улицу. Поеживаюсь от утренней прохлады. Градусов 15, говорит телефон. Недаром здесь осень. Призраков ночи смывают первые лучи. Ощущается спокойнее. Я захожу в первый Каррефур, примериваюсь к ценам. Недешево. В перспективе — понять, можно ли здесь остаться и найти работу. Решаюсь пройтись по центру, поглядывая в карту. Вот некий собор Се. Вокруг шалаши бездомных. Всклокоченные голо-

вы, высунутые из пледов. Долго нигде не стою, пара ракурсов и фото — двигаю дальше. Японский квартал, пустой по раннему утру. Граффити с Куросавой. Стрит-арт везде. Здания исписаны индейскими закорючками чуть не до третьего этажа. Многоэтажные заброшки, плесневеющие окнами. На работу пролетают одеколоны мимо запахов мочи. Лужайки между эстакадами — место для палаток и сушки белья. Дошел до авениды Паулиста. Широкая, с велодорожкой посреди. Стекляшки офисов. Вокруг спешат кудрявые очки. Спустился в подземку и вернулся в хостел.

Сел на интернет до выселения. На Кауче сообщение. Отозвалась студентка с контрабасом. Можно к ней в общагу. Условие — разделять идеи недискриминации. Я только за (или против). Кампус в районе Бутанта. Слышал, что там делают вакцину. Отсюда проще автобусом. Перекусил и двинул с вещами в обед. Снаружи глубоко-синее небо. Пригрело до тридцатки. На улице шла тротуарная торговля. Рваные пледы покрывал почти антикварный хлам. Волочились тележки с картоном. Прошел пару кварталов до остановки. Сыпанул монет моториште. Ехали резко, нервно, с дребезгом окон. Будто водитель мечтал расшатать свое орудие труда на болты. (Тогда я не имел понятия о соотношении зарплат и цен) Маршрут вел прямо за ворота студгородка. Вышел за будкой охраны. Булавка локации меж корпусов. Зашагал под раскидистыми деревьями. Плитка в павших фиолетовых цветах. Маякнул ей в Ватсапп.

Встретила внизу. Пожали руки. Говорила по-английски неуверенно, но достаточно. — Впервые в общаге останавливаюсь. Пропустят? — Конечно! Вахтерша за стеклом только улыбнулась. — Бон жия! — Боа тарде. Точно, уже обед. Поднялись на четвертый. Окна коридора делились на узкие крутящиеся створки. Вошли в блок. Небольшая кухня-прихожая. Три двери. — Здесь я, в этой сосед. А эта свободна для гостей. Пока никого не поделят. Девушка съехала месяц назад. Оставайся, сколько понадобится. Внутри тесно, но уютно. Место для шкафчика, стола и кровати впритык. Кинул поклажу на пол. — Удобно. У нас несколько человек было. А тут каждому свое пространство. Зашли к ней. У кровати гитара. На стенах — плакаты Троцкого и Пусси Райот. — Ого, знакомые лица! А Ленин где? — Они разошлись идеями. Мы соблюдаем принципы коммуны. Делимся кровом, едой. Принимаем любую ориентацию. — Коммунизм — это наше все. Беларусь до сих пор во многом советская. — А, Белоруссия, мы называем. А президент у вас — Лукаченко? — И это знаешь!

Мы поболтали еще. Она писала магистерскую по социологии. Сама из Гуарульоса, где аэропорт. Но удобнее жить здесь. Сейчас всех перевели на удаленку из-за хвори. Кампус пустой. Заварила кофе по-бразильски. Через конус над чашкой и бумажный фильтр. Вся утварь, интерьер, техника — все иное. Другой континент. — Мы с соседом вегетариан-

цы. Угощайся, чем есть — Тоже поддерживаю! Предложил ей оставшуюся после перелета халву.

Легко на помине — сосед открыл дверь. Познакомились. Присел к столу. Судя по взглядам и позе, он тоже исповедовал коммунизм. Особенно пункт насчет ориентации. Но не так откровенно, как хостельный молодец. Предложил дать мне ненужную симку. А то без местного СПФ не оформили б. Пополнили счет в приложении. Жизнь облегчилась. Он сразу же удалился к себе. Как будто застеснявшись. А мы со студенткой решились пройтись. — Покажу тебе универ. И за зеленкой надо зайти. Тут небольшая фавела рядом. Там безопасно — Не стреляют? — Нет, мы вглубь не пойдём. — А как в Бразилии с этим делом? Легально? — Если с мелочью — отпустят. Максимум воспитательные беседы дадут. — Очень мягко. А у нас и 8 лет могут.

Широкие аллеи вели к корпусам. В полуденном зное тишина. Встретили лишь пару человек. Дошли до ограды с турникетом. В будке никого. — Сейчас ты увидишь изнанку Бразилии. Через пару шагов улица резко превратилась в фавелу. Тот самый трубчатый тонкий кирпич. Грязные сараи и капилляры улочек. Она спросила у первого же мальчика лет 12. Тот достал из кармана склейку навроде пачки жвачки. Под пленкой цветной клочок, распечатанный как в копицентре. Двадцатку ему — дело сделано. Мы повернули обратно.

— Не так и страшно, как на видео. — Это все бразильская журналистика. И политика. — А какие люди обычно живут

в них? — Здесь много работников универа. Уборщики, повара. — Рабочий класс, значит. — Именно. Поэтому идеи коммунизма в Бразилии очень актуальны. — Заметно. (Мы входили в кампус) Как другой мир. А у нас в коммунизм наигрались. Тридцать лет как.

2

Вернулись в блок. Разошлись по комнатам. Я прикорнул на пару часов. Потом побродил по карте глазами. Какой-то интересный резервуар. “Мата атлантика”. Но почти 50 км до него. А так — городская застройка и пара музеев. Может, завтра прошвырнусь. Вспомнил местную знакомую. Пересекались еще во Вьетнаме до хворобы. Написал — да, живет в пригороде. Забились встретится на завтра. За стенкой потренькивала гитара. Я постучался. Студентка набирала аккорды, мурлыкая мелодии и затягиваясь. — Передохнул? Сейчас зайдет подруга к нам. За зеленкой. — Добро. Ты профессионально занимаешься? — Больше любительски. Иногда группой собираемся. — Сыграешь что-нибудь бразильское потом? — Ок, вечером можно.

На кухню заглянула подруга. Худая, с итальянскими чертами. По-английски говорит бегло. Забрала, за чем шла. Обещалась прийти чуть позже. Вернулся сосед. Поспрашивали меня, как первое впечатление. Я сказал, где останавливался на ночь. У них вылезли глаза. — Луз! Ты был в самом

днище Сан-Пауло! — Ну я так и понял, что свернул не туда. Но вроде жив-здоров. — Тебе крайне повезло. Там стекаются бездомные нарики со всего города. — А я думал — центр, архитектура. У нас в центре цивилизно обычно.

Пришла итальянка — сосед ретировался. Видно, они не очень ладили. Она принесла с собой жестяное пиво. Мы с первой отказались. Она покуривала, я налегал на кофе. А итальянка еще и пьянела. Я вспомнил про музыку. — Давайте только на крышу выйдем. В стенах так себе игра. — Даже лучше. Сели на пожарной лестнице снаружи. Темнело. Она сыграла пару босса-нов. Легкая, светлая грусть и ирония — Звучит гармонично окружающей среде. И язык красивый — хотя ничего не понимаю. Я глядел на двух подруг. На эту смесь южных европейцев и отдаленно африканцев. Обе мне по—своему нравились. И обе были ко мне радушны. Только гостеприимство? Кто их, бразильцев, разберет. Первая улыбалась мне, но мешал языковой барьер. Разговор почти целиком сместился ко второй. — А вы знаете, откуда ваши корни? Предки? — Немного. Мои вроде бы из Италии. Приехали на кофейные плантации. — У тебя вполне итальянский нос. — Это хорошо или плохо? — Кому как. Мне лично нравится.

Стало прохладно. Город в горах все-таки. Потянулись в блок. Время было после 11. Снова сели на кухне. Первая как-то притихла, погрустнела. Вторая болтала со мной, не отрывая глаз. Потом между ними произошла занятная беседа. До

конца не ясно о чем. Но казалось так. Первая отчитывала вторую за легкое поведение. “Потом гринго говорят, какие бразильянки доступные”. А вторая будто спрашивала подругу, не притязают ли они на одно и то же. В итоге первая вышла в коридор. Мы остались одни. — Что-то случилось? — Нет, все в порядке. Она пошла забрать конспекты.

Мы помолчали. Вторая встала, оперлась на стол. — Так... что делают в Беларуси, когда нравятся друг другу? Вы... целуетесь? — Ну да. — Ты... хочешь поцеловаться?

Опомнились мы минут через пять. Она сидела на мне, я скользил руками по талии. — Гостеприимные вы ребята. Еще и суток не прошло, как прилетел. — Ну, ты мне нравишься. Я тебе. — Действительно. Но я тут сам на птичьих правах. — Можем пойти ко мне. Спустились на пару этажей. Та же планировка. В блоке улыбается ее дредастая соседка — Боа ноиче! Заходим в темную комнатку. Точная копия моей. Продолжаем начатое. Она садится сверху. Лапаемся. Начинает снимать кофтенку. Расстегивает мою рубашку. Тут я понимаю, что хочется притормозить. — Подожди. — Все хорошо? — Да, но... Неловко. Как же твоя подруга? — Все в порядке. Мы с ней поговорили. — Но как-то странно. Я только приехал, в гостях у нее. А тут мы с тобой... Она перестала двигаться. — Извини, наверное, не сегодня. Я лучше пойду. — Хорошо, понимаю. — Спокойной ночи!

Вернулся в блок. Тихо, но свет горит. Время за полночь. Лег в своей комнате с грохочущем сердцем. Да, Бразилия. За окном цикады. Вдалеке веселая болтовня и музыка. Ворочался часов до двух и провалился в сон.

Проснулся с рассветом. Понял, что пора двигаться дальше. Пошерстил насчет автостопа в Бразилии. Деньги есть, но хорошо бы их растянуть. Глянул автобусы, выезды из города. Посидел в комнате, пока студентка не вышла на кухню. — Доброе! — О, ты здесь был. — Да, позже ночью вернулся. — Хочешь завтракать — вот хлеб, масло. — Спасибо. Обьедаю бедных студентов. Схожу в магазин, как откроется.

Теперь она казалась ровной ко мне. Может, что утро? Сказать ей, что ничего не было вчера? Кто теперь поверит. Ну, надеюсь, не рассорил женскую дружбу.

Поели. Она ушла к себе — печатать и бренчать. Я снаряжился в магазин. — Что взять нужно? — Смотри сам. Почапал 2 км до метро. Ближайший только там. За воротами кампуса был частный сектор. Пустынно. Чутье подсказывало не медлить. Но мой обычный шаг северного человека был вдвое быстрее шага бразильца. Который опаздывал на работу. В супермеркадо осмотрелся. Много соусов, нарезок сыров и мяса для пасты и лазаньи. Замороженные бургеры и картошка фри. Десять видов фасоли. Фрукты как у нас. Разве что манго по цене свеклы. Красные, во много сочнее азиатских. Кофе пары-тройки брендов. Чая совсем нет — толь-

ко травки типа ромашки. Много видов несладкого печенья. Вроде набрал пайки. — Кайша ливре! Вертлявая продавщица что-то спрашивает. Мотаю головой. — Но спики португес, понятно. Показывает пакет — Сакола? — Си, пор фавор. Бригадо! Миссия выполнена.

На обратном меня стопорнула охрана. Толкую на английском, что студент. — Нэу фало португес. Махнули рукой. В блоке рассовал продукты. Маякнула знакомая. В час у метро. Разобрался с посудой и сварил спагетти с сыром. Угостил студентку. Вместе перекусили и двинул той же дорогой.

Знакомая прикатила на байке. За рулем невеличкого роста паренек с цепью. И здесь занято. — Как ты вообще приехал сюда? Особенно в пандемию. — Все остальное закрыто. А в ваших краях еще не бывал. Почему нет. — Здесь делать нечего. Денег не заработать. (Она танцевала в детском парке во Вьетнаме. По белорусским меркам неплохие деньги).

Решали, куда пойти. Музей Афробразил? Закрыт. Галереи? Тоже — Тудо фещадо. Остановились на парке километрах в пяти. Поцеловали ворота. Попытались хотя бы найти еды. Обошли пять кафе. Везде надписи “Деливери”. В одном нашли, что нужно. Но внутри сидеть нельзя — хвороба. Вынесли коробку. Сели на скамейку в теньке. В коробке были тарталетки с разной начинкой. Жирно, мучно, зато поел — и до вечера. Побродили еще, нашлиobelisk. С лошадьми и рабами. Видел его в фильме про бразильских беспризорников. Идеи куда еще иссякли. Темнело. Пора и по домам.

Заглянул в комнату студентки. Оповестил, что завтра еду дальше. — В Рио? — Ага. — Подруга заходила днем. Передавала, чтоб зашел, если захочешь. — Можно. Попрощаться перед отъездом. — Если что — мы всегда рады. Пока комната свободна. Так что пиши. — Спасибо за все! Будем на связи.

Спустился на этаж итальянки. Дредастая соседка сказала, что та ушла в 312-ю на тусовку. Утром выезд — не до того. Значит, не судьба. Вернулся в свою комнатку. Лег пораньше, около 11. Постепенно возвращался в режим.

3

Транспорт ходит с пяти утра. Встал около того. Тихо перекусил на дорожку и двинул. Пешком до метро. Маршрут в который раз — уже как дома. Спрыгиваю у станции Армения. А там и автобус подходит. В малиновых лучах выкачиваем на трассу. Чуть притормаживаем у остановок. Кондуктор высовывается вполтела, машет стоящим — Аруджа! Аруджа! Совсем как в Танзании. Через час считай за городом. Уже светло, но прохладно. На повороте с трассы машу — Аки, аки! Выгружаюсь с котомками.

Поток машин плотный. Но никто не берет. Прошагал пару км. Остановился пикап. Фермер с сыновьями, едут км на 20. Уже что-то. Иду меж зеленых холмов. Местами срывается красная почва. Солнышко припекает стриженую голову.

Еще час не ловится. Подбирает врач, который жил в Америке. Тоже сетует на экономику и рвется обратно. 50 км до Сан Хосе дос Кампоса. Выхожу на середине. Бреду километров 5 под эстакадами. Дело к обеду. Голосую в городской черте. Пробую с маской и без. Еле-еле взяли еще пару км до Таубате. Иду через него с передышками в теньке. На склоне надпись — “Столица детской литературы Бразилии”. Занятно.

Сворачиваю в гипермаркет у дороги. Хоть пару минут прохлады. Набираю разных вод. Обедать совсем не лезет. По трассе пролетают безразличные Хайликсы. Кто-то даже матерится на меня из окна. Наскребаю машину на задворках города. На сколько-то везут — и ладно. Проехали вместе минут 7. Какие-то белые трубы. Иду в тени между холмов. Третий час дня. Везения ноль. Дальше начинается выжигаемая солнцем равнина. Машин почти нет.

Мне это надоедает. Перехожу на другую сторону дороги. Смотрю на телефоне автобус до Рио. К шести надо обратно в городок успеть. Та еще задача. Наконец подбрасывают до окраины. Еще 3 км до автостанции пешком. Показывает 34 градуса. Обгораю, как рак. В кассе билеты есть. Хоть тут удача. Но стоят дороже, чем из Рио. Хитрый платит дважды. Отмокаю в здании вокзала. Перекусываю резаными мелко хот-догами. Наконец работница размашисто следует к автобусу. Выразительно, как на утреннике, декламирует — Рио жи Жанейро! В сумерках трогаемся. Кожа на шее и лице жжет. Так даже в Африке не было. Несемся через городки

и веси. Хорошо, что передумал — по дороге сплошь населенные пункты. Да еще и хвороба — у водителей паранойя. Бронирую хостел поближе к автовокзалу. В 11 ночи грохочем через порт к платформе.

Вылезаю, осматриваюсь. Время небезопасное. Автобусы проносятся, не увидишь номеров. Мне лишь косвенно по пути. Все равно пешком потом. Да и стоять тут светить красным лицом туриста неразумно. Убер дороговат и медлит. Бодро шагаю через пустыри под эстакадами, оглядываясь. Вроде без элементов. Еще раз вызываю. Цена уже неплоха и ждать минуту. Водитель подвозит прямо к воротам особняка. Несколько раз осматривается, что безопасно. Можно. Жму звонок. Пробую английским, ломаным португальским. На слове букинг открывают. Лестница как из прошлого века. Запахи старины. За стойкой хозяйка — лицо европейское, голубоглазое. Пару дней здесь — а уже экзотика. Тычет на подбородок — Машкара, машкара! В зале только мы, но одеваю. Показываю бронь. Получаю койку. В комнате больше никого. Быстро под душ и сворачиваюсь спать.

Утром выхожу в сторону центра. Церкви, дома колониальной постройки. Все гниющее, зарисованное, плесневеющее. Надо бы подняться к Христу. Либо фуникулер, либо пешком в гору. Подвиваюсь вверх. Сначала ветхие особняки. Потом карта ведет через фавелу. Другой дороги нет. Жители навстречу улыбаются, здороваются, показывают большой палец. Возбужденный жиган что-то кричит вслед. Я не сбав-

ляю шаг. — Кришто! Да, мне туда и побыстреей. Передо мной ребята с рациями перекидывают пакеты с белым. Иду своей дорогой, не заглядываясь. Фавела переходит в парк. Вроде спокойнее. Беру билет у вершины. Облегчили карман на 8 долларов. Народу на платформе порядком. И это с учетом хвори и времени до обеда. Вблизи сама статуя не то что из ряда вон. Но виды захватывают. Холмы, белые здания, океан. Тот самый Рио с открытки. Спуск вниз проще. Внимание не привлекаю. Сажусь на автобус до Ипанемы. Выхожу у пляжа. Забегаловки почти все открыты. Свободнее, чем в Сан Пауло. Но посетителей мало. Песок усеян редкими телами. Вдоль ездит машинка и вещает, что пляж закрыт.купаются все равно. Я тоже захожу намочить ноги. Пустая прайа в полдень здесь — момент исторический. Кожа снова начинает зудеть. На метро спасаюсь от солнцепека в хостел.

Ближе к вечеру выбираюсь в центр. Звенят швейцарские трамваи. Огромные муралы с коренными жителями. Стиль один в один как у недавно появившихся в Минске. Подхожу к заливу Гуанабара. Театр, паром и офисы. Народ спешит с работы. Вдоль потоков стоят мигалки и полиция. Шаг в сторону — небезопасная пустота темнеющего города. В закоулках уже пошатываются ночные зомби. Захожу в модернистского вида собор. Похожий на домну. Огибаю акведук. Лестница Селарона. Кругом сидят покуривающие гуляки. Вверху замазанная надпись на русском — “Мой дед был панк”. Старые здания погружаются в закат. В сумерках сбегаю с холмов

к хостелу. На сегодня хватит. Ощущения — средне. Ожидал большего. Ну пляж, ну горы. Слишком разрекламированный город. Если оставаться жить — Сан Пауло пришелся больше пока.

4

На утродвигаю к пляжу на Ботафого. В заливе волны спокойнее, не океанские. Погода пасмурная, переходящая в морось. Кожа благодарно отдыхает, но начинает шелушиться. Прошелся до Сахарной головы. Асфальт упирается в тропу. Вроде идет к вершине. Но скользко и все в порослях кустарника. Решаю не испытывать судьбу и обувь.

Посматриваю, кто хочет пересечься на Каучсерфинге. Присоединяется немецкой наружности бразилец. Отзывы у него хорошие, от русских и украинцев даже. Приглашает зайти к нему. Квартира с балконами и террасой. На Кобакабане. Отсюда близко. Буду через 20 мин. Апартаменты крепкого среднего класса. С консьержем и паркингом. Парень бодрый, разговорчивый. На вид около 30, но оказывается, далеко за сорок. Кариока, здешний, родители в Рио живут. Преподаватель биологии, сейчас тоже онлайн вещает. Квартира и вправду огромная, в два этажа. Выход на крышу с небольшим бассейном — Это подруги моей. Она в штате, на выходные только приезжает. Дала мне жить пока, присматривать. Сейчас оформляет развод. А у самого меня комната

в центре, чуть подальше.

Выпили кофе на террасе. Дом последний — над нами высятся горы. — Да, соседей не видно — большой плюс. Я тут бывает загораю полностью. Без одежды. Раз кто-то там лазил. Помахал им. Не знаю, увидели ли.

Общаться с ним было легко. Будто знал его сто лет. Не в последнюю очередь из-за беглого английского. Спрашивает, куда путь держу. — Завтра думаю в Сальвадор. И дальше на север. До Амазонии. Посмотрю, как сил хватит. И денег. — Да, помню, мы с дядей ездили в те края. Пять дней в одну сторону на машине. До Белема и назад.

Как стемнело, попрощались. Контакт есть теперь — свой человек в Рио. В хостеле глянул билеты. Прямой до Сальвадора и долог, и дорог. Взял на ночной автобус до Витории. Следующий штат. Чтобы выехать подальше из агломерации городков. Прибываем рано утром.

Отшагал пару км мимо портовых катушек с кабелем. Автобусом подъехал до гипера на выезде. Здесь было жарко, но без ночных перепадов. Ближе к тропикам. Стал ехать по 20-50 км. Остановился грузовик. Парнишка в комбезе слушал религиозное радио. На приборной панели библия. Вот я и в крестьянской местности. Спросил, верую ли. По-своему да. — А едешь куда? — Сальвадор. — Сальвадор, Баййя? Удивился, будто ехал на Луну. Не так и близко — от Рио полторы тысячи км. В России за два дня можно сделать. Как будет здесь? Он подвез меня на сотню.

Голосую, обгораю по второму разу. Кожа начала слезать кусками. До розовой, свежей. На нее летит бурая пыль. Застреваю на заправке. Бегаю между редкими остановившимися. — Сальвадор, Сальвадор. — Не, мы на фазенду тут, рядом. Прилично одетый интеллигент сторонится меня. — Машкара, машкара. Не разберу, куда едет. Заправляется и всучивает мне 5 реалов. — Да деньги есть. Мне бы подъехать. Карона (так называют автостоп здесь). В спешке уезжает. Еле-еле меня подбрасывают к какой-то рощице. Темнеет. Еще час никто не останавливается. Карта показывает заправку в паре км. Чешу туда. Есть бесплатный душ. Спрашиваю, можно ли ставить палатку. — Поджь, поджь. В зеркале туалета вижу себя. Натуральный бродяга. Обгорелый, со въевшейся под кожу пылью. Понятно, почему деньги подают. Моюсь холодной водой. Ставлю палатку под навес. Но гудит какой-то аппарат рядом. Ворочаюсь, переставляю палатку на лужайку. Не спится. Горизонтальное положение — уже какой отдых. Посреди ночи слышу шорох. Расстегиваю тент — рядом за проволокой проходит стадо коров. Каждый лужок огорожен — чья-то собственность.

С рассветом вылезаю. Наливаю из бойлера кофе на заправке. — Сколько с меня? — Гратис! Здесь кофе бесплатный — О как. Тогда сосиску хоть куплю. Немудрено — въезжаем в кофейные штаты. И города большие далеко. Выхожу на трассу. Подбирают рабочие в пикап. Едут км 70 в центр населенного пункта. Тейшейра ди Фрейтас. Местечко сель-

ское. Дома из фавельского кирпича. Под ногами бегают куры. Набираю еды и питья в супермаркадо. Шагаю пару км до выезда. За кольцевой на остановке уже стоят голосующие. Работяги в широких шляпах. Отхожу от них подальше. Вскоре их подбирает вэн. Машин много, все мимо. Притормаживает автобус. Лезу в переднюю — Карона? Машет головой. Стою дальше.

Час, полтора. Из-за поворота выгребает смуглая путница. Волочит за собой коробку с пожитками. Коллега. Становится метрах в 20 передо мной. Энергично машет большим пальцем. Поглядывает на меня, но не заговаривает. С дороги помята, но выглядит недурно. Голосуем на пару. Ей везет больше. Остановились несколько, она им что-то прокричала. Но не взяли. Она заходит за меня по дороге. А вот фура наконец. Редкий гость здесь. Тормозит у нее, начинает заговаривать через окно. Подрываюсь к ним с рюкзаком. Но водитель стремится и дает по газам. Принимает меня за разбойника-подельника, что ли. Смуглянка импульсивно обрушивается. Пинает коробку. Кричит на меня, что все испортил. Акцент местный, еще более непонятный. Выхватываю только — как тяжело поймать фуру. По-северному спокойно переносу ругань. Отодвигаюсь от нее к кольцевой. Ветка сюжета “познакомились на дороге” не срослась. Видно, это знак. Бразильского автостопа пока хватит. Еще 800 км пилить с таким успехом. Тащусь обратно в город. За пару реалов беру мототаксиста до родовиарии. Поеду как человек

автобусом. Они, считай, пустые сейчас. Билет кусается, но с учетом расстояния — цена почти российская. Через час трогаемся.

Ночью сплю на двух креслах. Мягкие, калачом свернешься — считай, кровать. В Сальвадор въезжаем с дождем по утра. Рюкзак запуливаю в гуарда волумес — камеру хранения. Стоит дешевле хостела. А ночевать буду в автобусах — наловчился. На метро подъезжаю к центру, ближе к бухте. Вокруг белых людей почти нет. Атмосфера, будто снова в Танзании. Иду к балкону, где Майкл Джексон снимал клип. Португальская лепнина плесневеет под тропической моросью. Дома крашены кусками. Окна заставлены досками изнутри. Ни туристов, ни местных. Фавельский кирпич краснеет везде по холмам. Иду к заливу. Каменистый, песок грубый. Не Рио. Иду вдоль яхт-клуба. Чуть не забредаю в нависшую между водой и страдой фавелу. Небо хмурое, оттеняет грязь и запущенность зданий. Иду вдоль портов. Навстречу останавливается бородатый путник с дредами. Лицом натуральный Аллен Гинзберг. Кутается в плед. За плечами рюкзачище. На отличном английском просит еды. Стопит домой, в Монтевидео. Даю ему пакет с печеньем и водой — все равно заколебался таскать. Он складывает мне за минуту фигурку цикады из местной метровой травы. Улыбаемся другу другу и расходимся. Хоть одна родная душа после масочных водителей. Делать в городе нечего. Культурные мероприятия? Хвороба ведь.

Затариваюсь на дорожку и беру билет до Терезины. Сразу 1200 км на север. Едем ночь и день. Подкармливаемся в сельских столовых. В ассортименте — безлимитный кофе и пережаренные до хруста паштели. Иногда перепадает аква фервер — тогда завариваю бичики. По обочинам травы по крышу автобуса. Пролетают неброские одноэтажные села. Все больше пасмурно, похлестывает дождями. В Терезине сразу беру билет на вечер. Достопримечателен здесь только стадион. Иду по пустым кварталам в гипер. Прямо на тротуаре под солнцем расплескался бездомный. Беру провианта еще на сутки. Глинистыми улочками обратно. Тусуюсь в кафе терминала.

Через пару часов трогаем в Парнаибу. Считай, берег северной Атлантики. Прибываем под утро, часа в 4. В туалете белый волосатый уборщик — точно спившийся актер театра. Стрижет с меня двушку за вход. Игрет музыка поп 70х. Жду, пока откроют кассу в 5. Следующая остановка — песчаные дюны Мараньяо. Говорят, что выезд только вечером и по конской цене. Торчать в этом захолустье резона нет. И 200 км всего — попытаю снова автостоп. Пешком бреду 5 км до выезда. Там и светает уже. Закаты и рассветы здесь — как на другой планете. За двадцатку подвозят, считай, до трассы. Машин почти нет. Останавливается легковая. Внутри — веселый подкачанный парень в очках. — Такой большой рюкзак тянешь! В хорошей форме — Да какое там. Выглядит только. Всего 12 кг — Я просто фитнес—

тренер. Наверное, и пресс есть? Шесть кубиков? — У художника всегда пресс. — Моштра, моштра. Покажи. Ладно, приподнял майку на секунду. Фитнес-тренер все-таки. Он как-то непрофессионально заинтересовался. — Моштра ди нову. Запустил руку под майку. Сначала пальцами надавил пресс. Потом полез ниже. — Э-э-э, я не по этим делам! Отводил его руку. Второй он рулил на скорости. Но упорно лез в шорты. На дороге кроме нас никого. Начинаю паниковать. Перебираю свой скудный запас португальского. Вспомнил библию на приборной у водителей. — Эу католико! На удивление подействовало. Он сразу погрузстнел, стих, взялся двумя за руль. На развилке остановился. Тихо показывает — мне туда, тебе туда. Поспешно вылезая с рюкзаками. Он без слов отъезжает.

Отсюда начинается гравийка. Останавливается первая со времен Сан Пауло фура. Внутри — вертящийся головой малец лет 20. Суетится, трогает все в кабине. Хорошо хоть не меня. Глаза нездоровые. Через пару минут тормозит. Достает трубку, сыпет синий порошок, поджигает. Дым пахнет страшной химией — Это ото сна помогает. — Дрогас? — Исто. Толкует, что едет из столицы без ночевки. В Паулино Невес. — Довежу тебя прямо! Там сядешь на автобус, будет в час. Прямо в Барейриньяс. Останавливаемся каждый километр. Он потягивает свою гадость. Не спешит совсем. — Гошто фучибол? — Как? — Фучибол! Берется за переводчик на телефо-

не. Теперь доходит — национальный спорт же. Спрашивает про фамилию. Показывает фото матери из-под зеркала. — Умерла в прошлом году. — А отец? Машет в форточку — А, кто его!.. — Жена? Дети есть? — Не, один катаюсь. Девки у нас линдас. Но путас. Поглядываю на соседнем с опаской. Но даже жалко его. Смесь наркотической агрессии и нищенской доброты. Предлагаю ему остатки провианта. Питался, видно, давно.

Проезжаем эти 50 км часа за 2. Перевожу дух — та еще поездочка. — Спасибо тебе! Береги себя. Тут и автобус подходит. За пару реалов едем в туристическое село. Улицы все в песке. Кругом вывески туров и картинки внедорожников. Нахожу хостел — огромный двор с гамаками. Заселяюсь. Иду на поиски магазина. В прачечной закидываю одежду на полчаса. В комнате пусто. Сажусь за ноут. Наконец целительное безлюдье. Кровать ощущается вершиной комфорта. В сумерках во двор набираются постояльцы. Выхожу ужинать на кухню. Компания зовет к себе за стол. Стягиваются ящики пива. Один из них спик инглиш. Инженер-южанин из Куричибы. Остальных я плохо понимаю, только улыбаюсь. Угощают меня кашасой — местной водярой. В компании и пара девчонок. Инженер подталкивает одну — займись гринго. Но диалог не клеится. Да и вымотался я с дороги — Бразильские девчонки — это нечто! Приезжал к нам из Польши инженер. Электростанцию строили. Пил постоянно. Но бизнес—поездка ему запомнилась! Вот эта — моя девушка.

А остальных бери смело. Учат меня танцевать фавела фанк. Слишком трезв для таких уроков. Снимают на видео мою неуклюжесть. В полночь иду спать — завтра длинный день. В дюны решаю отправиться пешком. В одного, полноценно. Туром на джипе дорого. Да и не группами в пустыню ходить. Спать на кровати странно. В комнату заходят парочка парней из тусовки. Милуются на соседней койке. Нет сил рефлексировать — отключаюсь.

5

Встаю в шесть. Песчаными улочками выгребая за село. Переправляюсь лодкой за ручей. Дома редуют. Дорога окаймлена проволокой и кустарником. В кроссах шагается вязко. Попадаются лужи. Сезон дождей-таки. Местами разливы — не обойти. Снимаю обувь, бреду по черной воде. Дна не видать — не самое приятное занятие. Пару раз обгоняют пустые джипы. Они и распахивают тут такие поймы. А вот разлив серьезный — метров на 50. Либо дерись по кустарнику. Захожу — вода по колено. Снимаю шорты. На середине ухожу почти по пояс. Рюкзак с паспортом и телефоном держу как флаг поверху. Надеюсь, пираньи не водятся. Вроде мельчает. Выдыхаю. Всего лишь дождевая вода, читаю себе как мантру. Так, с переменными раздеваниями, прошел часа два. Первым делом в городе — купить шлепанцы. Кроссовки — не этого пояса обувь.

Наконец показываются дюны. Дорога исчезает в песке. Теперь полагаюсь только на компас. Зачал мелкий дождь. И быстро свернулся. Я сел перекусить на склоне. Песок твердый после дождей. Идти как по асфальту что вверх, что вниз. Между дюнами жмутся озера. Воды немного, грязноватая. Вкупе с хмурым небом — совсем не фото из Гугл. Шагаю к океану. Растительности никакой. Удивительно не жарко — даже ветровку накинул. Кругом ни души. Только пару раз видел вдаль одинокую козу. Нахожу на следы шин. Иду по ним. На горизонте проезжает джип, машут руками. И опять один. Делаю привал на обед. Шесть часов шагал, считай. Но силы есть. Закидываю полпачки крекеров и банку нута. Остается еще литр воды. Сбиваюсь к востоку, получается крюк. Наконец вдалеке вижу прибой. Но желания идти до самого уже нет. Разворачиваюсь. Снова меня отхлестывает дождем на минуту. Иду час, другой на юг. Где же выход с дорогой? Воды остается на дне. Вот песок переходит в кусты. Какая, но цивилизация. Вышел на другую дорогу. Интернет потиху начинает ловиться. Около пяти вечера прохожу первое село. Три хибары с тростниковыми крышами. А контраст — как в столицу попал. Дорога снова вязкая, перепаханная. Все чаще останавливаюсь. Пошатывает, сердце дергано колотит. Смотрю шагомер — 48 км за день. Такого и в Хибинах не было. Останавливается квадроцикл. — Залезай! Абориген бесплатно подкидывает километр до парома.

В хостеле напиваюсь воды и кофе. Подкрепляюсь банана-

ми. Последний рывок — купить билет. Еще километр. По адресу — закрытый офис. Пишу на Ватсапп. — Подходи к автобусу в 9, билеты будут. — Надеюсь. Сажу во дворе с рюкзаками. Вчерашние гуляки вертаются с тура. Говорю, что пешком ходил туда-назад. — Это ж 50 км! — Ну да, вышло. — Ты точно двинутый, руссо! Мы в кузове катались. Часа 3 экскурсия и обед. — Зато у меня персональная и бесплатно.

В потемках жду автобуса на крыльце офиса. Таки подходит. Плачу на входе водителю. Едем ночь до Сан Луиса. Там есть какая-то крепость. Но решаю пропустить. Ноги гудят со вчерашнего. План — двигать в сторону Амазонии. В терминале сразу же беру билет до Белема. Мчим туда остаток дня. К ночи прибываем. Шагаю наперегонки с мусоровозом к хостелу. Стучусь в трухлявые двери. Внутри ругаются. Ругаюсь по-русски в ответ. Дверь открывает потрепанная недовольная физия. Прямо на пороге разложена палатка, откуда она вылезла. Машет на другую дверь с торца. А вывеска тут. С другого входа прием радушнее. Даже на английском. Дают койку с балдахинном. Больше в хостеле ни души. Спрашиваю админа — А когда корабль отходит? В интернете только дни недели пишут — Точно не скажу. Но люди с утра приходят в речной порт. Лучше пораньше. Ложусь спать. Кондиционера нет. Вентилятор еле дышит. Толком не спится от жары. В пять подрываюсь с вещами. Иду полтора км до порта. Закрыто до семи. Обивать пороги хостела нет охоты. Бреду мимо пустой игровой площадки. Может, в горку залезть при-

корнуть? Вокруг никого. Но отгоняю — это тебе не Питер. Хотя городок спокойный. Кажется безопаснее, чем Рио. Бездомных не видать.

Наконец открывают кассы. Беру билет для гамака. Каюты втридорога. И без кондея. Лонли Плэнет советует — лучше на палубе с ветерком. Отплытие — после обеда. В каком часу? — Как пассажиры загрузятся. Почему-то не здесь, а в двух км в доках. Ладно. Иду в магазин. Пишу каучу из Рио, что, мол, в Белеме. — Да, мирный город. Нам тоже понравилось тогда. На подходе к кассе вижу спектакль. Потрепанная смуглянка начинает кричать на продавца. Выходит за дверь. Возвращается с поленом. Замахивается на подбегающего охранника. Белая бабуля на кассе причитает — Носса! Носса! Вот тебе и покой-городок. Через центр иду к рыбному рынку. На мокрых мостовых никого. Вторник, а как будто нерабочий. И правду — календарь говорит, сегодня Тираденчес. Сажусь почитать про этого революционера-зубного. Рынок пестр, склизок, вонюч. Беру хот дог поодаль с тележки. По корявому языку сканируют, что гринго. Спрашивают, не из Венесуэлы ли? Чуть подалее. Потом иду в крепость с пушками. Распоживается. Вспоминаю про шлепанцы. На карте есть шопинг-квартал. Дряхлые португальские постройки забиты китайским легпромом. Там нахожу белые кроксы — самое оно для тропических дождей. С тротуара покупаю пелликулу для телефона. Городские дела сделаны. Закупаю еще провизии на два дня. До самого Манауса решаю

не плыть. Сантарем, что на полдороги — и достаточно. Пересаживаю ливень в порту у напольной розетки. Можно двигать к докам. Корабля еще нет. Шляюсь туда-сюда, не выпуская причал надолго. Вот, по ходу, и посудина моя. Ступаю на шаткую палубу. Сую билет. Машут на второй этаж. Пассажиры раскладываются под белыми балками. Вешают на них гамаки. Я следую их примеру. Хорошо, что вожу с собой еще с Африки. Под гамак кладу рюкзак. Зависаю. Ждем еще часа два. Трогаем. Малым ходом идем мимо города. Отрываемся от берега и вдруг оказываемся в заливе. Большая вода. Через час показывается другой берег. Плыдем рядом с ним.

6

За бортом — болотистые джунгли. Довольно неприглядные. Поселений не видать. Раз в час выглянет домик на сваях с причалом. Или лодчонка аборигенов проشمыгнет. Время что резиновое. Связь почти сразу пропадает. Интернета здесь не предвидится. Пассажиры первое время стоят у бортов. Потом лениво виснут в гамаках. Смотрят накачаные сериалы. К двум розеткам собирается очередь на зарядку. Я разрываюсь между бездельем и экономией батареи. Пауэрбанк берегу пока. Читаю книги часами — как в детстве на даче. К вечеру заходим на первую остановку. На берегу — пара облупленных бетонных построек. Монотонный гул мотора непривычно стихает. Интернет проблескивает — и сра-

зу гибнет. Стоим полчаса — и снова вода и деревья. Люди подрываются на ужин в камбуз. Восемь часов. Пока кормлюсь запасами. Зашторивается закат. Ветер меняется с темнотой. Зябко, что достаю байку. Вот тебе и тропики. Мотор убаюкивает нас в первую ночь.

Перед рассветом становится совсем свежо. Вывертываемся из гамаков, расхаживаемся, согреваясь. Вид однообразный — мутная вода и деревья. Спускаюсь к камбузу. Напротив стоит газовая плита. Жестами прошу у курящих зажигалку. — А, ишькоро? — Бригадао! Кипячу в литровой жестяной кружке кофе. Сразу на день, чтоб не бегать. Завтракаю в гамаке. Виды и чтение уже утомляют. От безделия иду помыть кроссы. Есть время высохнуть теперь им. В обед проходим городок. Успеваю отправить послание маме. Не уверен, что догружает даже текст. Карта показывает, что мы прошли устье и плывем по Амазонке. Идем дальше. Сосед по гамаку пытается поговорить. Среди индейцев-пассажиров он выделяется, как и я. Оказывается — фотограф из Минаса. Едет в отпуск по Амазонии. Обмениваемся с ним снедью. Возле нашего судна снуют каноэ аборигенов. Некоторые даже пристают как-то — со второй палубы не видно. Фотограф уходит и возвращается с ведерком сиреневой гущи. — Ассаи! Натураль! Насколько понимаю — местная ягода, шибко популярная. Купил с лодки. На вкус как смородина, недурный десерт.

Так проходит день. Брожу от гамака до бортика и вокруг

по палубе. Вечером обнаруживаю душевную. Хотя на ходу постоянный ветерок — не потеешь. Влажная жара наваливалась только на остановках. Закат-рассвет. День второй. Запасы еды иссякают. Иду наконец попробовать судовой завтрак. Рис с рыбой и фасолью. Два с половиной доллара за пластиковую коробку. На третьей палубе обнаруживаю еще буфет. Там ассортимент скудный — печенье, пиво, гуарана. По вкусу — местный Спрайт. Развлекайся как умеешь. Чтение время не убивает. Лежу и грежу в гамаке. Быстрее бы уже приплыть. Приходит понимание — подустал от путешествия. Надо уже доехать куда-то. И это будет Сан Пауло. Еще один закат. Еще один похожий на него рассвет. Начинаем пересекать реку. Другого берега не видать. Понемногу из воды проявляется город. Сантарем. Люди оживляются, пакуются. Суется от борта к борту. На ступеньках быстро собирается очередь. Всем не терпится слезть с неуклюжей посуды. Кидают трап. Ступаю по твердой земле. Честно — соскучился.

Налетают мототаксисты. На лицо прям вьетнамцы с сельским загаром. Чуть отхожу от этой суеты. Цена плавно снижается, чем дальше от причала. Беру одного до родовиарии. Мчим по красному песку городка. На прохожих — ни одной маски. Немудрено, что здесь такой всплеск. Если верить новостям. Автостанция совсем крошечная. Сразу иду в офис. До Сан Пауло прямых нет. Максимум до Куябы, штат Мату Гроссу. Пробую оплатить картой. Наличка кончилась. Ни

кредито, ни дебито не проходит. Билет уже напечатали. До отхода час. — Я тогда съезжу в банкомат. Рюкзак у вас ки- ну? — Можно. Ловлю другого мотоциклиста. Тыкаю на кар- те куда. — Двадцать. — Туда и обратно? — Си. Едем. Он ждет меня, пока снимаю. Сажусь за ним. — Двадцать. — Так как вернемся? — Нет, двадцать сюда. Двадцать обратно. Ладно, сбер с тобой. В поддержку коренных народов Ама- зонии. Снятые деньги быстро раздаются. До отправления 40 минут. Прошелся за провиантом. То ли что окраина — но впечатления большого села. Частные дома, боррачарии — СТО. Скучновато. Разве что в туры отсюда — по болотам лазить.

Снова пустой салон. Трогаем. Дорога быстро превраща- ется в грунтовку. Кусты и красная земля. Ехать два дня. Я заряжаю все что можно. После обеда начались поля кукуру- зы. Потом сои. Потом опять леса. Огромная река. Но толь- ко подобрали на переправе и развернулись. С остановками на бесплатный кофе минует день. К вечеру второго доезжа- ем в Куябу. Там беру на ночной до Сан Пауло. Пара часов есть. Пополняю запасы в Атакадисте у шоссе. Стандартные хот доги в кафетерии станции. В автобусе народу прибав- ляет. Теряют насчет масок. Но спать находится два кресла. Наутро встречает туман. Местность теперь больше полевая. Маякую студентке. — Быстро ты! Заезжай в любое время. По карте — уже близко. Но начинаются заезды в мелкие го- родки, стоянки по полчаса. Триста километров еле тянем-

ся. В Сан Пауло приезжаем после полуночи. На улице золко, поддеваю джинсы и кроссовки. Ломиться в кампус — затея так себе. Вокзал вроде пустой. Раскатываю спальник в тихом месте. Рюкзак под бок, другой в обнимку. Совсем я обродяжил. Кемарю часов до пяти. Там и автобусы начинают ходить. Спускаюсь мимо тряпичных бездомных на лестнице. Отличаюсь от них я разве мобильностью. Грохочем пустым салоном в универ. Тихо, никого по дороге. Дверь комнаты открыта. Прикорнул, пока студентка не проснулась. — С возвращением! Ну как тебе страна? — Впечатлений много. Рассказал ей про маршрут. — Имажина. Так далеко не каждый бразилец за жизнь заезжает. А что сейчас думаешь? — Буду работу искать. Местную либо онлайн опять. Как у вас скорость интернета? — Не знаю, тянет в целом. Безлимит. Вот с флешки раздается. — Добро, замерю.

Разошлись по ноутам. Я пошерстил контакты школ. В городе и пригородах. Глянул и в Рио. Заклепал им почты резюме и видео. Отозвался и на русских сайтах по удаленке. Вошел в азарт — и пролетело утро. Замерил интернет. Так себе — около пятерки мбит. И это не вечер еще. Международную видеосвязь может не вывезти. Написал каучу из Рио, что круг сделал. Думаю здесь окопаться. — Не, что тебе в Сампе торчать! Бетонный лес. Надо в Рио осесть. Здесь пляж, природа. Найдешь удаленку, как я. Можно у меня жить. Пока устроишься — аренду не возьму. Только на еду тебе деньги

нужны. — Неплохой расклад. Надо прикинуть. Спасибо за предложение!

После обеда вышел прогуляться. Через северные ворота. День ясный. Вдоль канала снуют велосипедисты. Змеится метро. Прислушиваюсь к ощущениям. В целом здесь нравится. Деловой город. Но прав кариока — только между зданиями бродить. Повернул к кампусу. Снова воротные расспросы сторожей. Долго у студентов не проживешь так. И интернет хромает. Вечером посмотрел хостелы и комнаты. В центре и за 100—150 долларов есть варианты. Но центр я уже увидел каков. Надо думать.

7

Так я провел еще два дня. Потом съездил на вокзал и купил билет в Рио. На тот же автобус, каким прикатил сюда. Студенты отъезду не шибко расстроились. Хотя мы друг друга не напрягали. Спасибо и до новых встреч. Утром вылез из метро на Копакабана. Ну, посмотрим, Рио. Дубль два. Консьерж уже предупрежден. Немец улыбается в дверях. Пожимаем руки. Скидываю поклажу. — Тебе будет нижний этаж. А я наверху. Пойдем на пляж, окунемся. — Это первым делом. Рио все-таки.

Выходим. Солнце греет на 25. Как надо — ни больше, ни меньше. Он с кем-то здоровается у пивных. Машет знакомой в кафе. Ее собеседница пожирает его глазами. Уже вид-

на синь океана впереди — Тебе надо взять пляжный шмот. Чтоб за местного сойти. Спидо есть? — Как? — Ну плавки. — Не. Вещей по минимуму — Как плавать будешь? — Да может не буду. Не моя стихия, вода. Так, зайду пару раз. — Эээх! Ладно, на обратном заглянем в брещо. Секонд хенд, за углом тут.

Рассказываю ему дорожные впечатления. — Тебе надо было вглубь ехать. Там места! Геологом работал — на вертолетах много где бывали. Загугли “Шапада Диамантина”. Вот это Бразилия!

— А как ты перемещался? Автобусами? — Пробовал стопом сперва. Потом надоело. Рассказал про католиков, наркоманов, фитнес-тренеров. Посмеивается, качает головой — Хорошая форма? Скорее, ее отсутствие. — Так и ты не то что здоровяк. — Не настолько же! Ладно, окунись. Присмотри за ключами и трубой. В шортах оставляю.

Он поплавал пару раз. Я зашел по колено, сполоснуть ноги. Вода студеная. Течение первобытное. Тянет вглубь, как матушка Земля. Не Черное море. Вернулся на песок — Да, тут каждый день спасают кого-то. Вертолет летает часто. Бывает, и не вытаскивают.

Позагорали полчаса и двинули. В брещо вещи не зашли. Слишком убитые или сомнительного стиля. Не готов я бразиливаться настолько. Зашли в Мундиал — угловой супермаркет. — Сколько вообще у тебя на питание уходит? — Когда как. В среднем 50 в день. — Не то чтоб дешево. — Так

тебе пока аренду платить не надо. Накидываем тележку. — Давай еще арбуза? — Не любитель, но ок. — Возьмешь все? А завтра я плачу. — Идет. Раз уж гостеприимством пользуюсь.

Дома сварганили пищи. Запили кофе в гостиной. Он все юморил, подкалывал меня. То по худобе, то по недостаточной волосатости. — Открыл Америку! Я и так все про себя знаю. И прекрасно с собой живу. Ты как школьник. А еще сорок лет. — Мы такие, кариоки. Вечно молодые, оживленные. Климат. Это у вас в Европе все серьезные.

Он поднялся на занятия. Я решил пройтись по адресам. По китайской методике “гринго-лицо в дверь”. Большая часть школ были закрыты. В остальных либо писали имэйл, либо просили бумажное резюме. В одной приняли, собеседовали. Усадили за тест языка. Листа на три. Сперва спросил зарплату. — Не сразу, со временем около трехсот баксов. Я потыкал в раздумьях тест. Дошел до письма. Нахер. Сдал недописки и вышел на улицу. За такие гроши я и онлайн найду.

Так прошло два дня. Я просыпался с рассветом с балкона. Океан виднелся через частоконструкции зданий. Неторопливо искал работы, рассылал резюме. Выбирался осмотреть районы. Выход и вход приходилось согласовывать. Ключи мнительный немец не давал. — Я тут сам на птичьих правах. Вообще всем, кто останавливается, советую чаще гулять. Вы же исследовать город приехали.

В пятницу он объявляет — На выходные надо будет тебе съехать. В хостел какой. Хозяйка приезжает. А в понедельник вернешься. — О как. И часто она так? — Раз в месяц, два. Лучше не светиться, что живешь тут. — Что ж. Тут на Ипанеме хостелы были недорогие. Забронирую. — Ну вот. Потому как у нас свои шуры-муры. Она подруга давняя. Нужно будет “заплатить аренду”. — Вона что! Теперь ясно. Не за просто так терраса эта перепала. Рюкзак хоть оставлю здесь? — Лучше все вещи забрать. А то будут вопросы.

Собрал пожитки. Толком-то и не разложился. Утром свалил в хостел. Вторая линия от океана. До заселения коротал время на пляже. Комната была без окна. Делать нечего. В приложении выудил деваху. Переписывалась охотно. Почти сразу забились на встречу у метро. Внешне — ничего выдающегося. Хоть языкового барьера нет. Предложила сесть в баре. Хочет выпить, угощает. “Мне прям надо сегодня” — Я по алкоголю не двигаюсь. Но раз такая охота — давай. Столики на улице. Все смотрят футбол. Интерьер примитивный — складные стулья, неструганные столы. Взял себе кофе. Она стакан со льдом и пиво. Дежурные вопросы. Польско-еврейские корни. Актриса, певица, рисует. Пока симпатии она не будила. Время убиваем — и ладно. На столе собралось пять жестянок. Она перекидывалась парой слов со зрителями. С соседнего к ней стал клеится дедок. Я иронично поглядывал на сценку. Ревности не вызывало ни на грамм. Стало шумнее — она подсела ближе. Потом плавно перекочевала мне

на колени. Пьянела она волнами. Я незаметно поглаживал ее коленки. Но до поцелунков момент не доходил.

Потом ей захотелось есть. Прошлись в Бобис — бразильский Мак. Она заправилась картошкой и бургером. Невозмутимо платила за все — Может, на пляж сходим? — Ладно, гринго. Знаю, куда вас всех тянет. По пути она уже вешалась на плечо. Шли под руку. На пляже сняли обувь. Я — кроксы, она — сапоги по колено. — Не холодно тебе в них? — У нас тут осень. Будет еще прохладнее. Дай стиля поносить.

Люди с закатом разошлись. Сели на песок. Он забирался под одежду. В темноте запах моря усиливался. Не такая уж романтика. Она сняла юбку. Повернулась ладным задком. — Схожу по маленькой. В рубашке зашла по колено в воду, присела. Через минуту приземлилась рядом — Вот как это у вас в Рио происходит. — Обычное дело. Главное — мой руки. А то у нас мужчины забывают. — Обязательно!

Посидели в обнимку. Вижу, что ее пляж не то что волнует. — Как по мне, ничего такого. Песок, вода. — Ну, ты это с детства видела. — Не совсем. Вообще я на ферме выросла. С матерью. Лет десять назад переехала сюда. Когда дорогой папочка-бизнесмен оставил квартиру.

До хворобы она успела поколесить по старому свету. Больше всего ей пришлось в Израиле. Пела в группе там. — Не знаю. Вроде те же море и песок. Еще и беспокойно вокруг. — Не, хочу туда снова. Там жизнь.

И эту Бразилия не радовала. Она поднялась. — Поедем

ко мне? — Ок. Куда? — Центро. Рядом с метро. Дошли до станции. Одни выходы рано закрылись не в будние. А открытые — где-то далеко. — Ладно, лучше убером. Вызывает. Всю дорогу треплется с водителем. На подъезде к туннелю тормозим. Таксист опускает все окна. В них суются полицейские винтовки. Перебрасываются парой дежурных вопросов. Проезжайте. — Что это было? — Здесь каждую ночь так. Ищут траффикантов. Привыкай.

Поднялись к ней. Поддубитая однушка. Крохотная грязная кухня. В зале — только матрас и мольберт. Окно во всю стену. Напротив — такая же стекляшка. Внизу у метро роятся бездомные. Центро. — Кофе будешь? — Да. Сперва можно в душ? — Сюда. Полотенце найдешь там. Ванная тоже ушатанная. Душ еле льет. Туалет не смывает. Подергал в бачке — вроде вода пошла. Вымылся. Сели на полу в зале. — Да, у тебя тут творческий беспорядок. Ее это задело. — Должно быть чисто, потому что я женщина? Мне некогда мелочами заниматься. Я создаю! — Не, не, я без подтекста. Если тебе так комфортно — почему нет. Думал, выгонит. Но допила кофе и ушла мыться. Дело уже к полуночи. Написал немцу, где и с кем останусь. — Ты там время не теряешь, гляжу. Давай-давай.

Вернулась без одежды. Расхаживает по залу, зажигает свечи, ставит музыку. — Мне можно остаться с ночевкой? — Конечно. Куда уже ехать. Тушит свет. Я тоже стягиваю шорты и рубаху. Ложимся. Постель мягая, несвежая. Артистиче-

ская атмосфера углы не сглаживает. Страсти не разгораются. У нас что-то получается на троечку. Как газетная статейка в срок. Задачи вечера субботы выполнены. Ее — выпить и слечь. Моя — не торчать в хостеле. Засыпаем.

8

Утром позавтракать нечем. На кухне только соль и крупица кофе. Видно, готовка — тоже не ее. Пьем по кружке на тощак и расходимся. Вечером отвожу скарб к немцу. — Ну, с почином. Как все прошло? — Не сказать, что из ряда вон. Весьма посредственно. — Эх, что вы, гринго, в таких делах понимаете!

Принялись стряпать ужин. Разговор крутился вокруг постельных тем. Старший товарищ стал делиться опытом. Я вставлял про свои азиатские похождения. Плавнo его рассказ повернул от женщин к мужчинам. Как-то у него остановился испанский путник. Потом они переписывались. Ездили друг к другу. Так у них переросло в нечто большее. — Меня этот опыт преобразил. Я бы всем посоветовал — Но женщины тебя все еще же интересуют. — Меня интересуют люди. Зачем разделять на пол? — Ну, природа так устроила. — Давай, расскажи биологу про природу.

Он опять скатился в подколки. На сей раз насчет моей фамилии. — Ты знаешь, что по-португальски это значит “короткий”? — Тут вы, бразильцы, не угадали. (Я был выше его

почти на голову). — Как сказать, как сказать...

Беседы его меня насторожили. Но не слишком. Мало ли у них тут какие нравы. Особенно в пляжном Рио. Наутро он предложил сходить на водопад. В городской черте их порядком. Я вышел пешком. От дома километров шесть. Он довел урок и отправился на велике. Поспешил — пришлось ждать его минут 20. Посидел на входе Жардима Ботанико — Нормально ты подорвал! Куда бежать так? Мы ж не на работу. — Северная привычка. Особенно после Москвы.

У водопада были брошены очистки фруктов, ленточки, свечи. — Афробразилские обряды. Я это не совсем понимаю. Хотя бы убирали за собой. Поблизости никого. Он разделся, залез в расщелину под струю. Я отвернулся, походил в округе. Вертелся он там минут десять — Прекрасно! Лучший массаж. Сел на камень. — Зайди попробуй! — Да не очень я водный. Ну, раз пришли. Остался в шортах. Сполоснул голову и плечи пару секунд. Чувствовал спиной взгляд. Вчерашние беседы вызывали паранойю. — Мда. Ты как будто стесняешься. Никого ж нет. — Равнодушен я к воде.

После омовения перекусили в кафе. Я двинул прогуляться еще, он укатил домой. Дошел до Виста Чинеза — пагоды с видом на холмы Ипанемы. Бодро дочапал до поворота на трилью Педра Бониты. Серпантинном спустился к Сао Конрадо. Стало припекать. Автобусом долязгал до Копакабаны. Дверь квартиры открыта. Вверху играет музыка. Кричу — не выходит. Поднимаюсь. В комнате нет. Заглядываю на

террасу. Он в чем мать родила загорает у бассейна. — Блин! Я кричал — ты не слышишь. — Я ж говорил, что бываю тут без одежды. — Я помню, но все равно! Веду переговоры с ним из комнаты, пока одевается. Сложно сказать, кто больше смутился. — Как погулял? Он делится еще интересными местами. Но разговор опять скатывается к его пристрастиям. — Я думаю, тебе следовало бы попробовать. Не знаю, что — то в тебе притягивает. Тело — нет. Совсем худой. Наверное, личность. Мне хочется тебя обнять, прилечь с тобой. — Не, знаешь, я не по этой части. — Но ты никогда не пробовал. — И не хочу. Точно. Нет тяги. — Что ж, тогда... Тебе лучше съехать. Извини. — Вот так, значит. Хорошо. Дай пару часов. — Но если передумаешь — всегда тебе рад. — Точно нет. Как другу с тобой комфортно общаться. Но такое — нет.

После этого мне совсем не по себе у него оставаться. Спешно листаю хостелы. Первый, у автовокзала — самый дешевый. И вариант проверенный. Бронирую его. Жаль оставлять такую квартиру. Еще и бесплатную. Но мало ли ему взбредет перейти к действиям. Хотя общение с ним — легче легкого. Со старта — будто всю жизнь его знаю. И по-английски больше не с кем так говорить. Досадно. Бразильское обманчивое дружелюбие. Ко всем и сразу. А потом резко оказывается, что я ему — никто. Хотя и раньше звоночки были.

Снова с вещами на выход. Начинаю сначала в хостеле. Поиски работы ускоряются. Просыпаюсь в пять утра на онлайн

собесы. Бегаю с ноутом по пустым комнатам. Постояльцев — всего человек пять. Один разговаривается со мной утром. Роста невеличкого, но бас — ниже моего. Угощает кофе из термоса. Живет бесплатно — за счет волонтерства. Чинит, подметает. А так — счетоводом работает пару раз в неделю. Советует мне библиотеку Университета Рио де Жанейро. Для занятий удобно, мол. Предлагает пройтись туда. По пути заворачиваем в подножие фавелы. Он спрашивает у мальчика снаряд и бумагу для самокруток. Все это — метрах в десяти от полицейской машины. — А ничего, что они? — Нормально. Главное — выглядеть спокойно. Идем дальше. Среди жилых кварталов он приостанавливается, крутит, поджигает. — Ну ты даешь. — Транквило! Я аккуратно. Все здесь помазаны. Большая часть трафика — дело рук армии и полиции. Бразилия! Но я люблю свою страну. Людей, климат. Круглый год могу ходить так. (Ведет дымом на тапки и шорты)

Рассказывает, что раньше работал в Петробрасе. Местный Газпром. — Деньги хорошие, но сидишь в офисе. Работа, работа, жить некогда. Не смог так долго. Я — птица вольная.

Универ, естественно, закрыт. Бары-забегаловки гудят, а знания на паузе. Сан Пауло навыворот. Да и расстояние приличное — минут сорок от хостела. Через день приступаю к работе. Украинская компания, английский для детей. Платят получше, чем та черноморская. В комнату на ночь-день залетают проходимцы. Уходят в 8-9, остаюсь один. Выстав-

ляю слоты до пяти вечера. Первую неделю — в основном пустышки-пробные. Обычно никто не является, но их оплачивают. Высиживаю, глядя в потолок.

На неделе в комнату заселяется бразильянка. Лицом милостивая. Пропорционально выдающаяся где надо. При входе в комнату каждый раз делает огромные глаза, улыбается и стеснительно здоровается. Первых два дня этим и обходится. Вечером болтаю с одурманивающимся волонтером. Намекает — хорошая девчонка, наверняка ты ей понравился. Действуй. Я потиху расспрашиваю, пока застаю ее вечером-утром. Сама из Минаса. Учится в провинции на химика. Здесь на неделю на съемки. Любительски подрабатывает актрисой. Меняемся Граммстами. Смотрю ее кинопробы. Актёрская игра у них — очень мелодраматичная. Больше похоже на театр. Особенности темперамента, видать. Она листает меня — Ты путешествуешь... много! (С акцентом на избыток времени, чем денег) — Получается пока.

Беседы переходят в посиделки на кроватях. Потом просмотр видео с ноута. Перетекают в горизонтальное положение. Сказывается и волонтерское одымливание. Я весь любвеобильность. Она робка, но податлива. Мы трогаемся. Вздрагиваем от открытия двери. Хозяйка засовывается и осматривается. Садимся цивилизно. Почти сразу оставляет нас. — Видишь? Здесь люди! — Можем пойти в пустую комнату... Рука моя уже дальше некуда. Через пару секунд я вошелся между ее грудей. Но ее стеснительность перевешивает

мое наваждение. — Ты очень красивый. Но здесь совсем не удобно. — Понимаю.

Она уходит на вечернюю тусовку. Когда возвращается — не слышу. Завтра ей уезжать. Стоим за руку на крыльце. — Будешь в Рио — дай знать. — Пока! Рада была... — Я тоже.

9

Продолжаются трудовые будни. До начала июня я набираю подушку безопасности. Можно и о месячной аренде подумать. Каждый вечер к закату доезжаю до пляжа. На метро — сорок минут. Поглядываю Каучсерфинг. Пересекаюсь с путницей. На вид пацанка в бейсболке. Идем с ней в Санта Марту. Фавелу, где снимался тот же Майкл Джексон. Осматриваем там хостел. Еще дороже, чем мой. Океан и метро далеко вато от него. Идем с ней на пляж. Она потрошит склейку. Снова дым. Повествует о своем житие. Объявляет, что лесби. Заходим в воду. — Можно тебя обнять? — Ладно. — И сейчас вообще ничего не чувствуешь? Прямо так спокойно? — Нет. Я всю жизнь была только с девушками. Никакого влечения как к мужчине. — Сложно представить. Совсем ни к одному не было? — Никогда.

Зеленые рельсы от волонтера прокладываются и к другим встречным. Притягиваются сплошь покуривающие личности. Одна из них подбирается из приложения. Зовет к себе. Страшает, что метро проходит мимо кварталов с пере-

стрелками. Сразу на выходе вызывает мне убер. Жив-здоров высаживаюсь у ее здания. Открывает полноватая дева. Округлость эта не отталкивающая. Скорее, сглаживающая углы. Расслабленно-ленивая. Лицом вполне себе. Падаем в гостиный диван. Оказывается, тоже препод. В американской школе. Обещается даже навести мосты для меня. Недолго говоря, переходим к спальным делам. Всем спасибо, все довольны. Садит меня в убер до самого хостела. Зарплата позволяет.

Одним вечером на Кауче попадает парнишка. Волосатый, веган. Кариока, местный — из Нитероя через залив. В Стаграмме куча репродукций художников и буддистские письма. Обжегшись на бразильцах, я к хорошему не готовлюсь. Забиваемся на баскетбол на Ипанеме. У него мяч. А я изголодался без бросков. Здороваемся. Глаза у него — как у лесного травоядного. Взгляд хрупкий, чистый. Сразу понимаю, что по интересам близок. Напоминает здоровую-правильную версию меня. Оказывается, ему уже под сорок. Но выглядит лет на пятнадцать свежее. Говорит, что живет в фавеле рядом. Виджигал. — Интересно. А можно как-нибудь в гости зайти? — Я в основном девушек принимаю по каучу. — Уже спокойнее. Рассказываю про свои недавние истории. — Ну, я поддерживаю это. В плане недискриминации. Но сам встречаюсь с девушкой. И всегда только с ними. — Рад слышать.

После игры расходимся. Я исследую окрестности хостела.

Нахожу недорогой магаз. Каждое утро начинается с закупки манго и кокосов. Тут их — как картошки дома. Интернет в хостеле проседает. То и дело подрываюсь, чтобы перезагрузить роутер. То ли провайдер, то ли проводка мерцает. Дом все-таки дряхлый. Знакомлюсь с еще одним постояльцем. Тренер по джиу-джитсу. Живет на первом этаже, где месячные комнаты в аренду. Говорит, там интернет без нареканий. Но хозяйка огорошивает — все комнаты заняты. — Будешь на очереди. В поисках жилья забредаю в центр. Ветхий отель отдает достоевщиной. Темная лестница, облупленные деревянные стены. Страшные коридоры с крошечными комнатами. Вентиляторы и металлические койки годов 60-х. Напоминает Сайгон времен вьетнамской войны. На этаже кто-то наркотически хохочет. — Обригадо, не надо.

На днях списываемся с Вегом. Собирает еще пару путников на Лапе. Это барная улица в паре км от меня. Иду туда вечером. Шум, гам, десятки столов битком. Какая там хвороба! Нахожу его. Рядом — крошечная бразильянка. Тоже хорошо спикает. Напротив — подливающий канадец, похожий на лесоруба. С ним — щуплый скейтер из Калифорнии. По левую от меня — две европейки. Говорят со славянским акцентом. Так и есть — обе из Беларуси. Землячки. Что постарше так вообще из одного со мной города. Здесь по культурному обмену. Расписывают стены от проекта Вулица Бразил. Но возвращаемся к понимаемому большинством ин-

глишу. Ближе всего говорится с бразильянской. Вроде как — знакомая Вега. Они друг с другом почти не взаимодействуют. Остальные скучно обсуждают где были что видели. Стандартные каучсерфинг беседы. Белоруска помоложе стеснительно отмалчивается. Окружающие самцы текут слюнями вокруг нее. Ну да — блондинка, голубоглазая. Но не из ряда вон. А здесь экзотика. Вег шутливо величает ее — Ты как принцесса среди нас. Я закатываю глаза — Дома таких полно.

Все расхлебывают пиво. Я сторонюсь, но полбанки подливают-таки. Потом еще. С непривычки быстро развозит. Тут у стола останавливается кудрявый продавец. Вег впадает в диалог с ним. Тот потрясывает коробкой печенек. Вег переводит — Попробуй, они волшебные. — Да? Сколько? — Десятка за штуку. Карие глаза вселяют доверие. — Ну давай. Не подозревая, съедаю залпом. Проголодался, на самом-то. Сладость как сладость. Сидим дальше. Скейтер жалуется, что Калифонья нау из э мэсс. Насколько расслышиваю — штат в убытке. Треть прибыли — субсидии федерального бюджета. То ли пьянею, то ли правда. Белоруски предлагают культурную программу. Сходить на лестницу Селарона. Амеры за пивом онедвижели. Вег с бразильянской — безинициативны. Я подрываюсь — Ну так что, идем? Тормошу то тех, то этих. Пиво начинает бродить с печенькой. Союз не из приятных. Видно, на роль вожака выгляжу нелепо. Америкосы посмеиваются — Хорошее шоу! У меня разыгрывает

алкогольная агрессия. Множится на зеленую паранойю. Гребанные янки! Еще и согражданки глядят им в рот. На что глядеть? Те еще колхозники, судя по разговорам. Только что долларовые. Наконец стадное бессознательное встает из-за стола. Кидает на него деньги. Выходит прилично — не готовился к таким затратам. Но и пить меня вроде как заставили. Отдаю сколько есть — карманы пустые теперь.

Лестница почти за углом. Шаг от света баров — уже шмыгают личности. Не задерживаемся. У подножия прохаживается полисия. Кругом сидят гуляки. Почти все что-то поджигают. Вег объясняет — Это относительно безопасное ночью место в центре. И не гоняют за такие дела. Если цивильно. Поднимаемся на середину. Я уже еле двигаю. Галера, как называет собрание Вег, накидывается еще. Я пас. Усталость и опьянение двух видов. Молодая спрашивает — Ты в порядке? — Тяжеленько... Не надо было мешать. В беседах не участвую. Белоруски вызывают паранойю. Мерещится, что я совсем невменяемо выгляжу. Будто осуждающе поглядывают — Что от нашего Ваньки ожидать...

Состязательные американцы спорят, доказывают, хвалятся. Презрительно молчу. Подойдет какой бродяга на крэке — куда ваша бравада денется? Только Вег со знакомой спокойно стоят — Вы мне нравитесь больше всего. Никуда не лезете, ни в чем не убеждаете. Держусь с ними. Состояние у меня шаткое. Присаживаюсь на бортик. Оказывается лужа

от цветов. Шорты вмиг намокают. Саморефлексия зашкаливает. Пропал! Пьяный Ванька обоссался, скажут. Интернациональный позор! Сетую на оказию Вегу. — Да не видно будто. Все равно темно.

Громкость галеры повышается. Поглядываю на окна домов — Как они живут, каждую ночь? — Съехали давно. Одни hostels остались. Тут все резко глушатся. Подгребают ребята в форме. — Доброй ночи. Тудо транкуило? Отдыхаем культурно? Амеры ломанным португальским заверяют их. Уходят. Скейтер переводит дух — У меня оверстей третий месяц. Пересекаться с ними лишний раз не с руки. — Неплохо ты язык освоил. — За пару месяцев любой выучит. Если не дурак. Мозг принимает на свой счет. Хмель велит обматерить их великим и могучим. А такой слабо освоить? Остатками разума гашу в себе животное.

Довольно поздно. Белорускам пора. Американцы возвращаются на Лапу. Бразильцы вызывают убер. Признаюсь Вегу — Я пустой. Вы сейчас куда? — На Ипанему. В клуб. — Можно с вами? А то уже и метро не ходит — Конечно. — На всякий — вариант у тебя прикорнуть? — Без проблем. Еду с ними третьим. Погасающим мозгом фиксирую плитку Ипанемы. Вход в цветное месиво. Сквозь потные плечи, руки, ноги продираюсь за Вегом. Химическая смесь парфюмов и тропической плесени. Все нарядные, выпукло богатые. Садимся за столик в тупике. — Как тебе? — Очень не по себе. Тесно, дурно. Почему сюда? — Думал, место подходящее.

Гринго любят.

Интровертной знакомой тоже неудобно тут. Через пару минут выходим на воздух. — Ну, тогда ко мне. — Сколько отсюда? — Километра два. — Давайте пешком. Проветрится.

Идем по плитке вдоль пляжа. На встречу почти никого. От этого ощущение и покоя, и опасности. Ветерок с океана трезвит. Вег задумчив. Я переговариваюсь со знакомой. Алкоголь выдыхается. Но волнами находит зеленая любвеобильность. — Можно взять тебя за руку? Она взглядывает на Вега. Тот невозмутим. Идем с ней так. Снова оглядывается. Говорит что-то Вегу. Наконец доходит — А вы часом не встречаетесь? — Вообще вроде как да... — О. Неочевидно было. — Нет, это даже красиво, красиво. Идите, идите так. Вег искренне безревностен. — Можем с двух сторон тогда взяться. Шагаем как детишки на продленке. Смешно, но он прав — есть эстетика.

Вот и подножие фавелы. Небольшая праса с тележками еды. К нам тянут руки жилеты-светлячки на мото. Вег берет одного подруге. Кивает на другого мне. Неуклюже лезу позади него. Шлем не выдается. Понеслась. Мы лавируем мимо шлепанцевых обитателей. Мелькают витрины, мусорки, граффити. Газуем в лоб встречным. Узкая улица бьется меж скал и углого бетона. Из черной машины орет голова с цепью. Зверино, пещерно. Пролетаем электрический зев меркадо. Фигуры в сланцах общаются только криком. Кто-то во-

лочит тюк с мусорным барахлом. Сворачиваем. Здесь спокойнее. Дома навроде среднего класса. Много машин. Петляем к тупику.

За рубленным столом сидят молодцы с М-16. На столе белые фасовки. Относительно тихо и даже прохладно. Вег объявляет — Прибыли. Жякейра! — Сколько ему? — Четыре реала. Сую мелочь мотобою. Не глядя на траффикантов следуем вглубь. Трухлявые заборы, как в деревне. Скользящий склон, заброшенный мусором. Тропинка огибает кирпично-рыхлые фасады. Вдруг ступеньки упирают в скалу. Вег простирается на нее. Лежит так с полминуты. Подруга смеется — Каждый раз делает. — Зарядка от Земли. Спускаем на пару домов ниже. — Пришли. Здание новее, почти ипанемское. Металлическая дверь, рядом висит подобие домофона. Внутри ремонт простенький, но приличный. Заходим в квартиру. Древние шкафчики. На кухне запах органики. Сотни склянок с орехами, травами, добавками. Модное раздвижное окно. Высовываюсь — вид на крышу снизу. Треплется белье. Между бетона торчат заросли бананов. За огнями фавелы внизу полоса океана. Вдали похрипывает музыка. Тянет трезвящий ветерок. Мирно, спокойно — И не скажешь, что трущоба. — Тут где как. У бедности много уровней.

Он включил негромко музыку. Плавно стали перекатываться ко сну. Сходили по очереди в душ. Предварительно одолжил пятерку на обратное метро. — Бери 10 на вся-

кий. Вег с подругой ушли в спальню. Я свернулся на коротком диване. Ночью никто не стрелял. Живой и невредимый проснулся с океанским солнцем. Часов шесть. Снаружи кричат петухи, лают собаки, повыркивают мото. Дальше не спалось. Собрался не гремя и прикрыл дверь. Той же тропкой спустился к улице. А там и до прасы немудрено.

Двигать в хостел? Вроде выспался. И чтобы потом опять выезжать в город? Пошерстил по карте. Одним автобусом можно доехать до Гавеи. Самая высокая точка Рио. А после еще одним — домой. Даже на бутылку воды хватит. Под гору размяться — самое здоровое после гулянки. Вымахал нужный номер онитуса. Пыхтим вдоль океана. Ветер омывает пустой салон. Белая полоса Сао Конрадо. Туннель. Выныриваем на Барре. Двухэтажные коттеджи со стеклянными балконами. Слышал, что здесь дорого-богато. Соскакиваю возле Мундиала. Загребаю две пол-литры воды. Тихим частным сектором до ворот парка. Расписаться у охраны. И вверх.

Сперва состояние предсмертное. Ночные тусовки дают слабину. Потом злые вещества потиху выпариваются. Дыхание чистит мозг. Начинаю обгонять группки восходящих. И к отвесу скалы допрыгиваю почти здоровым. Теперь — карабкаться руками. Кто-то проложил веревки для удобства. Стрижет за них по двадцатке. Попробую без. Несложно, только выбирай, за что цеплять. И тормозят заторы на пути. Дальше травистым лужком чуть вверх. И вершина. Виды стоят того. Весь Рио, каждая гора, залив, пригороды. Пе-

кущийся под солнцем океан. А лучше всего — отсутствие людей в этой поднебесной. Дофамин восхода быстро теряет-ся. Как половая стирка — возня, пот, и все? Спешешь к фи-нишу, не наслаждаясь путем. Слышатся бразильские голоса. Пора вниз. Почти девятостоградусная лысина породы теперь страшнее. Выходит на пару минут дольше. А по тропинке веселее. Лечу, цепляясь за лианы и деревца. У охраны гляжу часы. Два с половиной на все про все. А в интернете писали — 4-6. Занимает душить жара. Пора в помещение хостела.

10

На неделе вспоминаю приложение. Староватое, но какой предложит здесь ассортимент? К вечеру сообщение. Афро-бразильянка в теле. 23 года. В Африке бывал — а с афри-канками пока нет. Спереди данные внушительные. Первой присылает большое сердце. Инглишем никак, но переводит охотно. Забились на Ипанеме после ее работы. Афрокосы, черная полуделовая юбка. Почти с меня ростом. Без полноты — скорее, крупная. Грудь старательно закрыта — но такую и при желании не скрыть. Застенчиво млеет. Чуть не сразу берем за руки. Вторыми свободными непрерывно стучим в переводчик. Трудится она медсестрой-сиделкой. Кочует по апартам богатых и немощных. Сутки через двое. Садимся на темнеющем пляже. Ветерок напоминает о бразильской зи-ме. — Фрио? Обнимаю ее, почти необъятную. — Где ты жи-

вешь? — В хостеле, предпоследняя станция ветки. А ты? — Дук де Кайшиас. — Далече. Как туда добираешься? — Поезд с Централа. Часа полтора дороги. На последний, конечно, еще успеваешь. Но впритык. Предлагаю двигать ко мне. Можно и койку рядом снять — комнаты пустые. Зачинает дождь — идем, прижавшись, под одним зонтом. В метро на нас пялятся нещадно. Парочка контрастная — тощий белый и громадная темная. — Думал, здесь это норма. Столько смешанных людей — Какое! Бразилия — до сих пор классовая страна. В их глазах — она с ним из-за денег — Вот оно что. Картина “Барышня-крестьянка”, получается. Только я далеко не Ротшильд. — Все равно. Белый — значит деньги. Сидим рука об руку. Она разглядывает этот инь-янь. Я — белые выгоревшие волосы на ее руке. Мню себя послом пролетариата в логове капитализма.

В хостел заходим с интервалом. Для конспирации. В какую заселяться — сказал перед. Толкует с немкой-хозяйкой у стойки. Я невозмутимо скольжу в душ. Пересекаюсь с ней в комнате. Потом идет мыться она. Устраиваемся в обнимку на одной койке перед ноутбуком. Тут врывается хозяйка за одеялами. Видит нас и смекает весь план. Переговаривается с моей, та переводит — есть свободная комната. 20 реалов разницы доплатить. — А, так не проблема! Смущенные, переезжаем дальше по коридору. Пора и в горизонтальное положение. Возмемся, освобождаясь от одежды. — У тебя было... с прето? — Еще нет. Она хихикает. — А у тебя с бе-

лыми? — Да.

Вот оно и случается сегодня. Спустя года хип-хоп юности и афроамериканских фильмов. Но — ничего такого из ряда вон. Женщины — и в Африке женщины. Разве что интерес утолен.

После ночевки поддерживаем контакт. Инициатива больше с ее стороны. Для меня же — просто занятный опыт. Узнаю, что у нее недавно умерла от хворобы мать. Теперь она — глава семейства. Тянет на себе двух сестер и отца. Кроме сиделки стрижет, делает ногти у себя на местности. Делюсь с ней, что ищу жилье. Она решительно ввязывается в поиски. Накидывает мне вариантов. Мы встречаемся еще пару раз в отелях на Лапе. Знакомлю ее с Вегом. Они — еще больше с разных миров, чем мы с ней. Один с дипломом по философии, живет на копейки с отцовского наследства. Другая — простушка-работяга с девятью классами фрагментарно. Но почему-то сдруживаются. Тусуемся компанией в две парочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.